

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т А Р Х Е О Л О Г И И

И. М. ДЬЯКОНОВ

УРАРТСКИЕ
ПИСЬМА
И
ДОКУМЕНТЫ

Вступительная статья
Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 6 3

Ответственный редактор
В. В. СТРУВЕ

Б. Б. Пиотровский

УРАРТСКИЕ НАДПИСИ ИЗ РАСКОПОК КАРМИР-БЛУРА

(Вместо предисловия)

Сто лет назад, в 1862 г., была опубликована первая урартская надпись, обнаруженная в Закавказье.¹ Это короткая пятистрочная клинообразная надпись, высеченная на скале у сел. Ганлиджа, в ущелье р. Ахурян.

С тех пор внимание исследователей клинописи было обращено к урартским эпиграфическим памятникам Закавказья, но систематические раскопки одновременных им крепостей начались лишь в 1939 г. Местом стационарных работ был выбран холм Кармир-блур на юго-западной окраине Еревана, на котором за три года до того геолог А. П. Демехин нашел обломок тесаного камня с остатками клинописного текста, сохранившего имя царя Русы, сына Аргишти.

До находки А. П. Демехина на территории Закавказья было известно 25 урартских надписей, высеченных на скалах или же на крупных камнях из древних разрушенных построек. Двенадцать из них принадлежали Аргишти, сыну Минуа (Менуа), девять — Сардури, сыну Аргишти, две — Русе, сыну Сардури, одна — Русе, сыну Аргишти, и одна — Русе, сыну Эримены.² Как видно, к первому периоду урартского владычества в Закавказье — к VIII в. до н. э. — относились 23 надписи, а ко второму — к VII в. до н. э. — лишь две. Примерно такое же соотношение надписей двух периодов наблюдается и в центре Урарту. Поэтому находка надписи Русы, сына Аргишти, на Кармир-блуре позволяла надеяться, что раскопки на холме откроют картину культуры наименее изученного периода истории Урарту. Дальнейшие исследования эти надежды оправдали.

В первый же день раскопок К. Г. Кафадарян в юго-восточной части холма нашел второй небольшой обломок камня с отдельными клинообразными знаками, относящийся, по всей вероятности, к тому же камню, от которого был отбит и обломок, доставленный в Исторический музей Армении А. П. Демехиным.

Только в 1961 г. систематические раскопки цитадели Кармир-блур дошли до места, где были подняты оба фрагмента надписи, и открыли там целый камень (73 × 43 см) с одиннадцатью рядами клинописи, содержащими лишь концы строк. Начало строк было высечено на другом, отсутствующем камне. Нам известны примеры размещения урартских надписей на нескольких камнях кладки. Так, из района Армавирского

¹ M. Brosset et A. Kunik. Notice sur deux inscriptions cunéiformes, découvertes par M. Kästner dans l'Arménie russe. Bulletin de l'Académie des Sciences de St. Petersburg, V, 1862, стр. 428.

² УКН 131—134, 136, 137, 139—143 (надписи Аргишти I), 160, 161, 165, 166, 169—172 (надписи Сардури II), 265, 266 (надписи Русы I), 281 (надпись Русы, сына Аргишти), 288 (надпись Русы, сына Эримены).

холма происходят камни с клинописью Аргишти I и Сардури II (УКН 142, 172), где строки текста пересекали три камня, причем текст Сардури II занимал не менее шести камней (два ряда по три камня).

В надписи, насколько можно судить по сохранившейся части и аналогичному тексту из Адильджеваза, рассказывается о строительных работах царя Русы,³ а в шестой строке упоминается оружие, связанное с „воротами бога Халди“. Вероятно, камень, найденный при раскопках 1961 г., ранее найденные обломки и развал тесаных базальтовых блоков, обнаруженный около клинописи, принадлежали крупному памятнику — „воротам бога Халди“, имевшему вид стены с нишей, аналогичной нишам, высеченным в скалах („Мхери-дур“, „Ашрут-дарга“). Эта монументальная постройка, возведенная на платформе, сложенной из крупных сырцовых кирпичей, прекрасно вырисовывалась на фоне второго этажа цитадели. В 1962 году было обнаружено девять камней фундаментальной постройки с одиннадцатью строками клинописи на каждом. Камни устанавливались в два ряда. В надписи урартский царь рассказывает о постройке храма *суси* и „ворот бога Халди“ в городе Тейшебаини страны 'Аза, о постройке еще других трех храмов и о приношении жертвы богам. Обнаружен также камень с частью формулы проклятия, к которому приставился и обломок, найденный А. П. Демехиным, составив связный текст.

Урартские архитектурные памятники VII в. до н. э. имеют значительно меньше строительных надписей, чем сооружения VIII в. до н. э.

Так, на Арин-берде, холме, находящемся на противоположной Кармир-блурю окраине Еревана, где раскапываются остатки древней крепости Эребуни, было обнаружено 8 клинообразных надписей, рассказывающих о постройке крепости, дворца, храма и закровов (*ari*), причем иногда на одном здании помещались по две надписи, повторяющие один и тот же текст. На Кармир-блуре, несмотря на то, что вся цитадель по контуру уже расчищена, строительные надписи на камнях кладки стен не обнаружены.

Древнее имя крепости стало известно по короткой надписи на части бронзового запора, имевшей форму накидной петли. На массивном кольце был вычеканен следующий текст: ^mRu-sa-a-i ^mAr-giš-ti-ḫi-ni-i É ú-ri-iš-ḫu-si-ni ^{uru.c}Te-i-še-ba-i-ni URU 'Русы, сына Аргишти, дом оружия⁴ города Тейшебаини' (УКН 283). Таким образом, крепость на Кармир-блуре в урартское время называлась городом бога Тейшебы, также как и более ранняя крепость, построенная царем Русой I на южном берегу озера Севан (УКН 266).

Раскопки Кармир-блуря дали громадное количество предметов урартского вооружения: бронзовые щиты, шлемы, колчаны, пластинки панцирей, наконечники стрел, железные мечи, кинжалы, наконечники копий и др. Многие из щитов, шлемов и колчанов были богато украшены изображениями священных деревьев со стоящими около них божествами, боевых колесниц, всадников, львов и быков и имели краткие клинообразные надписи, сообщающие о том, что это оружие подносилось богу Халди. Поэтому невольно возникает предположение о том, что именно это парадное вооружение упоминается в тексте надписи 1961 г. в связи с „воротами бога Халди“. Но громадное большинство предметов (за исключением лишь одного щита, о котором речь будет ниже) имеет надписи урартских царей не VII в. до н. э., как следовало ожидать, а царей первого периода истории Урарту, правивших в VIII в. до н. э.

³ Надпись готовится к публикации сотрудником Кармир-блурской экспедиции Н. В. Арутюняном.

⁴ Об этом термине см.: J. Friedrich. Urartäisch Éurišḫi- und (É)urišḫusi. Archiv für Orientforschung, XVII, 1956, стр. 367.

Так, шесть бронзовых щитов несут на бортах надписи Аргишти I, четыре — Сардури II и один — Русы I. Вместе с тем четыре надписи Аргишти I объясняют присутствие этих предметов вооружения в Тейшебаини. Они передают следующий текст: ^dHal-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^mAr-gi-iš-ti-še ^mMe-nu-a-ḫi-ni-še ^{URU}Er-bu-ni-e-di uš-tú-ni LUGÁL al-su-i-ni LUGÁL ^{KUR}Bi-a-na-u-e a-lu-si ^{URU}Tu-uš-ṣa-URU 'Богу Халди, владыке, в город Эрбуни этот щит Аргишти, сын Минуа, подарил. Аргишти, царь могущественный, царь великий, царь страны Биаини(ли), правитель города Тушпы' (УКН 147).⁵ Надписи определенно указывают, что щиты были изготовлены для города Эрбуни. Там они и хранились до той поры, когда Эрбуни потерял значение урартского административного центра. В VII в. до н. э., после постройки Тейшебаини и возведения в нем „ворот бога Халди“, оружие, посвященное царями VIII в. до н. э. богу Халди, было перенесено из Эрбуни в новый урартский центр — крепость Тейшебаини.

Кроме щитов, в храмовых кладовых хранились и бронзовые шлемы, украшенные изображениями богов у священных деревьев, а также колесниц и всадников или же крупным символическим знаком. На трех шлемах по нижнему их краю была вычеканена надпись Аргишти I, а на пяти — Сардури II: ^dHal-di-e e-ú-ri-e i-ni ku-bu-še-e ^mAr-gi-iš-ti-še ^mMe-nu-a-ḫi-ni-še uš-tu-ú-ni 'Богу Халди, владыке, этот шлем Аргишти, сын Минуа, подарил' (УКН 148) или ^dHal-di-e EN ŠÚ i-ni ku-bu-še ^mSAR₃-du-ri-še ^mAr-gi-iš-ti-ḫi-ni-še NÍG.BA 'Богу Халди, своему владыке, этот шлем Сардури, сын Аргишти, подарил' (УКН, дополн. № 78).

При раскопках цитадели на Кармир-блуре найдено много бронзовых колчанов, заполненных бронзовыми или железными стрелами, причем в последних случаях колчаны были сильно разрушены окисью, уничтожившей и клинописи, помещенные у верхнего края. На колчанах сохранились три надписи Аргишти I и четыре надписи Сардури II: ^dHal-di-e EN ŠÚ ^mAr-gi-iš-ti-še uš-tú-ni или ^dHal-di-e EN ŠÚ ^mSAR₃-du-ri-še NÍG.BA 'Богу Халди, своему владыке, Аргишти (или Сардури) подарил' (УКН 149, 175).

В одном случае на обломке колчана Сардури II, найденном в 1961 г., имеется как будто фонетическое написание урартского слова „колчан“, а именно gur-bi-ni (?).

На четырех бронзовых стрелах, вынутых из колчанов, также оказались посвятельные надписи, в одном Аргишти I и в трех — Сардури II: ^dHal-di-e e-ú-ri-e ^mAr-gi-iš-ti-še BA; ^dHal-di-e e-ú-ri-e ^mSAR₃-du-ri-še uš-tú-ni 'Халди, владыке, Аргишти (или Сардури) подарил' (УКН 149, 176 a—b).

На одной бронзовой пуговице, найденной вместе с пластинками панциря, оказался вычеканен короткий текст, в котором упомянуто слово gar-ga-ra-ni, означавшее, вероятно, „панцирь“.

Кроме вооружения, при раскопках Кармир-блуре обнаружено также большое количество предметов конского убора: удила с псалиями, колокольчики, налобники, нащечники (шоры), начельники и круглые бляхи. На многих из них оказались вычеканены надписи Минуа (три экземпляра), Аргишти I и Сардури II (большинство надписей).

На бронзовых псалиях удила сохранилась короткая, заключенная в рамку, надпись: NÍG ^mMe-nu-a 'Собственность царя Минуа', а на одном бронзовом налобнике различим следующий текст: ^mMe-nu-a-i É (?) šur-iš (?)-ḫi 'конюшня (?) царя Минуа' (УКН 118a—b).

⁵ Щит украшен изображениями львов и быков, размещенных в трех concentрических полосах. Надпись дана дважды.

Большую группу бронзовых изделий, имеющих короткие надписи урартских царей, составляют бронзовые чаши.⁶ Среди 104 чаш с вычеканенными на них клинописями шесть имеют имя Минуи, две — Аргишти I, 86 — Сардури II и 10 — Русы I. На некоторых чашах помещены также иероглифические знаки.

Раскопки Кармир-блур дали уже за период 1939—1961 гг. более 300 бронзовых предметов с надписями урартских царей,⁷ но среди них только два предмета определенно относятся ко второму периоду истории Урарту — к VII в. до н. э. Это упомянутая выше часть запора с надписью Русы II, сына Аргишти, назвавшей древнее имя крепости (Тейшебаини), и дошедший в обломках бронзовый щит с неполной надписью неизвестного ранее урартского царя Сардури, сына Сардури.

Привожу сохранившуюся часть надписи: ...uš-tú-ni [ul-gu-še]-e-di-ni^d Hal-di-ni-ni al-[su-ši-ni] SAR₅-du-ri-a-ni (!?) SAR₅-du-ri-hi-ni-še (!) LUGÁL DAN. NU LUGÁL al-su-i-ni a-lu-si^{URU} Tu-uš-ra... В 1957 г., в момент находки этого щита, я полагал, что надпись, приводящая необычное имя Сардури, сына Сардури, в необычном грамматическом оформлении, отходящем от трафаретных надписей, искажена мастером; но затем, когда другие документы Тейшебаини повторили это имя и дважды привели другое подобное же имя — Руса, сын Русы, — мне пришлось отказаться от моего прежнего мнения, тем более что надпись на щите Сардури оказалась текстуально близкой к надписям на щитах царя Русы III, сына Эримены.

Клинописи VII в. до н. э. на Кармир-блуре встречаются на предметах, непосредственно связанных с жизнью крепости. Это надписи на крупных глиняных кувшинах-карасах из винных погребов, оттиск печати с надписью на булле, запечатывавшей одну из кладовых для зерна, глиняные таблички — письма из центра Урарту, и хозяйственный документ, публикуемые И. М. Дьяконовым в этой книге.

В цитадели Тейшебаини открыто восемь кладовых для хранения вина, размещенных в различных частях здания. В них оказалось более 400 крупных сосудов-карасов, вкопанных в земляной пол, с вырезанными под венчиком иероглифическими или клинописными отметками их емкости или количества залитого вина.⁸

Большинство карасов имело иероглифические знаки, и только на 55 карасах емкость была отмечена клинописью в мерах a-qaq-qi (около 240—250 литров) и tē/i-ru-si (десятая или девятая часть акарки), причем при обозначении емкости выписывалась лишь цифра и первый знак слова, обозначающего меру, — например, 4 a (вместо a-qaq-qi) 7 tē/i (вместо tē/i-ru-si). Величина обозначенной меры на карасах из кармир-блурских кладовых колеблется между 4 акарки и 7 теруси и 3 акарки. В центре Урарту и на Арин-берде встречаются значительно более крупные сосуды — до 7 акарки, причем там меры a-qaq-qi и tē/i-ru-si выписаны полностью.

В двух кладовых для вина, расположенных в центральной части цитадели, на многих карасах имелись двойные, а иногда даже тройные клинописные и иероглифические отметки, не всегда совпадающие. На некоторых карасах клинопись была вырезана поверх затертого иероглифического обозначения меры. Нет сомнения в том, что хранение такого большого количества вина требовало учета его поступления и расхода,

⁶ Б. Б. Пиотровский. Клинообразные надписи на бронзовых чашах из раскопок на Кармир-блуре в 1949 г. ЭВ, V, 1951, стр. 110—112.

⁷ Б. Б. Пиотровский. Урартские надписи из раскопок Кармир-блур 1939—1958 гг. ЭВ, XIII, 1960, стр. 105—109.

⁸ Б. Б. Пиотровский. Клинообразные урартские надписи из раскопок на Кармир-блуре 1954 г. ЭВ, XI, 1956, стр. 80—82. — Пользуюсь случаем исправить ошибку, вкравшуюся в таблицу обозначенной емкости: № 194 следует читать 3 a 8 tē 1/2

но документы, связанные с винодельческим хозяйством, не сохранились. Крепость была разрушена в августе, когда кладовые пустовали, свежее вино еще не поступало, а документы учета прошедшего года были уже убраны. На полу в одной из кладовых обнаружена брошенная глиняная булла пирамидальной формы. Верхняя ее часть отломана, но следы узла веревки отчетливо заметны. На булле имеются два оттиска одной и той же печати с изображениями крылатого диска и двух голов животных под ним. Одну грань буллы занимает короткая клинообразная надпись из трех знаков, к сожалению, неразличимых из-за плохой сохранности. Массивные деревянные двери винных кладовых также опечатывались. В дверном проеме кладовой № 25 был обнаружен комок глины с оттисками двух разных печатей, скреплявший две веревки, перевязывавшие дверь.

На второй такой булле, запечатывавшей кладовую для зерна, сохранилась откатка цилиндрической печати и другой печати — столбчатой.

На цилиндрической печати было изображено сильно стилизованное священное дерево, аналогичное изображенным на урартских бронзовых поясах, на золотых пекторалях Саккызского клада и на ножках скифских акинаков из Келермесского и Мельгуновского курганов. Около дерева, с двух сторон, помещены фигуры двух крылатых быков с чело-веческими торсами. По краям печати шла клинообразная надпись (верхняя строка в зеркальной передаче), дающая следующий текст: KISIB ^mRu-sa-i-ni ^mRu-sa-ḫi E... Печать Русы, сына Русы, дома...⁹

Из письменных документов, найденных при раскопках Кармир-блур, наиболее интересными являются глиняные таблички с клинописью, представляющие собою письма-приказы из центра Урарту, и счетные документы. К сожалению, раскопки цитадели не обнаружили места их хранения, которое было, вероятно, расположено в верхнем, почти совершенно разрушенном этаже. Шесть сравнительно полных табличек и пять обломков были найдены в разных помещениях цитадели, заведомо не в тех, где они хранились.

Первыми были открыты три мелких обломка (№№ 8, 9, 11 по публикации И. М. Дьяконова). В 1946 г., в небольшой кладовой № 7, расположенной в северной части цитадели, оказались вкопанные в земляной пол карасы, заполненные кунжутом. Кладовая эта находилась через два помещения от мастерской кунжутного масла.

В засыпке пола были найдены мелкие куски бронзовых и железных изделий, глиняных сосудов и три обломка табличек с нанесенным на них клинописным текстом. Очевидно, разбитые еще при полнокровной жизни Тейшебаини, документы вместе с другим мусором попали в засыпку пола кладовой. Внимательная разборка грунта не обнаружила никаких других обломков табличек.

Эти три обломка первых на Кармир-блуре клинописных документов были опубликованы И. М. Дьяконовым, участником Кармир-блурских раскопок на их начальном этапе (1939 г.).¹⁰

Другая, довольно сильно поврежденная табличка (Д 2)¹¹ была найдена в 1949 г. в верхнем слое кладовой № 28. Она лежала на уровне

⁹ Н. В. Арутюнян, установивший чтение ^mRu-sa-i-ni в первой строке, передает текст печати следующим образом: KISIB ^mRu-sa-i-ni Ru-sa-ḫi E-[GAL-ni?] 'Царя Русы печать из (?) крепости (?) сына Русы' (Н. В. Арутюнян. К интерпретации надписи на глиняной булле Кармир-блур. Ист.-филолог. журнал, 1960, № 1, Ереван, стр. 223—229).

¹⁰ И. М. Дьяконов. Фрагменты клинописных табличек из раскопок 1946 г. на Кармир-блуре. ЭВ, II, 1948, стр. 86—89.

¹¹ Шифр указывает номер клинописной таблички по изданию И. М. Дьяконова в настоящей книге.

верхнего основного этажа, около развалившейся базальтовой башенки над центральным столбом кладовой № 28. Пол помещения основного этажа не сохранился, и у нас нет никаких данных для предположения, что именно там было место хранения документов, хотя это вполне возможно.

Две таблички (Д 4 и Д 10) найдены в 1955 г. в двух небольших кладовых северо-западной части цитадели. Они находились в кучах предметов, провалившихся в кладовые цокольного этажа при обвале перекрытий основного этажа. Дело в том, что в начале VI в. до н. э., во время осады крепости врагами, защитники цитадели растащили ценные предметы из кладовых, поделили их между собой и отобранные вещи запрятали в разных местах здания, иногда зарывая их в земляной пол. Так, в одной кладовой, раскопанной в 1952 г., под полом, около стены, были обнаружены бронзовый щит, украшенный изображениями львов и быков, и железный меч, на стене же оказался знак в форме креста, нанесенный красной краской, — по-видимому, указывающий место, где после снятия осады нужно было искать спрятанные ценности.

Кучи отобранных вещей часто для маскировки засыпались зерном или заваливались ветками, иногда предметы прятались в пустые сосуды-карасы винных кладовых. В 1949 г. в одном из карасов кладовой № 25 было обнаружено 97 бронзовых чаш с именами урартских царей VIII в. до н. э.; чаши были сложены стопкой и сохранили свой былой блеск и звон.

В кучах собранных вещей оказывались иногда некомплектные или сломанные изделия из драгоценных металлов: одна золотая серьга, половина серебряной гривны с золотой фигуркой льва на конце, четверть золотого дисковидного слитка. Эти факты указывают на производившийся дележ драгоценностей, забранных из кладовых.

Вероятно, клинописные документы, хранившиеся в Тейшебаини, представляли для защитников крепости некоторый интерес; возможно, они считались амулетами, так как на оттисках печати обычно изображались священные деревья и божества. Во всяком случае таблички Д 4 и Д 10 находились в кучах припрятанных предметов.

Так, вместе с документом Д 4 найдены железные предметы, обломки бронзового щита и шлем, бронзовые чаши, лежавшие стопкой, и мелкие изделия, среди которых был и скарабей египетского типа.

Еще больше интересных предметов было обнаружено вместе с документом Д 10.¹² В развалившейся при падении сверху куче вещей оказались две каменные коробочки — одна с изображением священного дерева и крылатых божеств на крышке, вторая с изображением сцены охоты на боковой части и скульптурной фигуркой льва на крышке, мелкие костяные предметы (ложечка, фигурка крылатого сфинкса на цветке, головка человека), ассирийская сердоликовая печать с изображением колесницы, выполненным в линейном стиле, другие ассирийские и урартские печати, небольшая подвесная глиняная булла с двумя оттисками печати, имеющей три иероглифических знака, и мн. др.

В коридоре у двери в эту кладовую в 1956 г. была найдена табличка Д 1, содержащая указание о переделе земли.¹³

Одна полная табличка (Д 7) и два обломка (Д 5 и Д 6) были обнаружены в верхнем слое кладовой, расположенной у восточного угла коридора. Среди предметов, упавших вместе с перекрытием вниз, кроме

¹² Н. В. Арутюнян. Новонайденная клинописная табличка из раскопок Кармир-блур. ВДИ, 1957, № 3, стр. 144—149.

¹³ Н. В. Арутюнян. Новонайденная клинописная табличка из Кармир-блур. Ист.-филолог. журнал, 1958, № 3, Ереван, стр. 201—213.

таблички и обломков, были два железных меча, бронзовый шлем с надписью Сардури II, бронзовый пояс с изображением богов Халди на льве и Тейшебы на быке, а также сильно стилизованного священного дерева с солнечным диском (символом бога Шивини), предметы конского убора, овальная деревянная щетка для чистки коней и мн. др.

Также в развале упавших сверху предметов в верхнем слое мастерской для приготовления пива (северная часть цитадели) оказалась табличка ДЗ, печать которой сохранила имя Эримены.

В этом развале было особенно много предметов: четыре бронзовых шлема с надписями Аргишти I и Сардури II, большое количество бронзовых чаш-фиал, обломки бронзовых сосудов с ручками в виде головок животных, характерными для горного Кавказа (подобные сосуды были найдены и в скифских курганах Украины), множество бронзовых наконечников стрел скифского и урартского типа, железный акинак скифского типа, железный складной жертвенник, два серебряных браслета, одна золотая серьга, различные бусы, среди которых были ассирийские и урартские печати, и мн. др.

Таковы условия находки урартских клинописных документов, происходящих из Тейшебаини.

Следует указать, что в этой урартской крепости, кроме клинописных документов на глиняных табличках, хранились также и иные документы на папирусе или коже, вероятно написанные по-арамейски. На это указывает маленькая (размером около 2 см) печать-булла из битума, найденная около ямы в самой высокой части цитадели, около юго-западного склона холма.¹⁴ На булле оттиск печати овальной формы с изображением оленя и человека, держащего его одной рукой за рога. Остатки тонкой веревочки, сохранившиеся в битуме, а также отпечаток на нижней стороне буллы указывают на то, что ею скреплялся свиток, по всей вероятности, папирусный. В Ассирии, кроме архивов глиняных табличек, имелись также хранилища папирусов и кожаных свитков. Г. Лэйард при раскопках дворца Синахериба в Ниневии в одном из его помещений обнаружил большое количество подвесных печатей, оставшихся от сторевших папирусных документов. Приходится с сожалением констатировать, что дошедший до нас археологический материал из Кармир-блур лишь в слабой степени отражает содержимое архивов древнего Тейшебаини. До нас дошли письма-приказы из центра Урарту (пять сравнительно полных текстов и четыре обломка), один (!) хозяйственный документ (к хозяйственным документам можно отнести также и обломок таблички) и булла от свитка папируса (?). Такое положение объясняется тем, что документы хранились не в цокольном, хорошо сохранившемся этаже, а в помещениях второго этажа, почти совершенно разрушенных. Из предметов, там находившихся, сохранилось лишь то, что рухнуло вместе с перекрытиями вниз в кладовые и хозяйственные помещения цокольного этажа. Но мы должны быть благодарны судьбе и за немногочисленные, но чрезвычайно ценные сохранившиеся клинописные документы, освещающие повседневную жизнь древнего урартского административно-хозяйственного центра в Закавказье.

Изучение урартских клинописных табличек дает нам интересные и важные данные относительно влияния культур государств Передней Азии на формирование урартской культуры. У историков древнего Востока не вызывает сомнения, что лапидарные надписи урартских царей тесно связаны с ассирийской анналистикой и ассирийским лапидарным

¹⁴ Б. Б. Петровский. Кармир-блур I. Результаты раскопок 1939–1949 гг. Ереван, 1950, стр. 76.

письмом. Ведь ранние урартские надписи писались просто по-ассирийски (надписи Сардури, сына Лутипри, на камнях циклопической стены у Ванской скалы), да и позже в текстах на урартском языке зависимость знаков от ассирийской клинописи выступает с полной очевидностью.

Со скоростью на глиняных табличках из Кармир-блур дело обстоит иначе; И. М. Дьяконов приводит убедительный материал для утверждения, что в Урарту существовала прямая письменная традиция, восходящая в конечном счете к письменности Митанни и Хеттского царства XVI—XIII вв. до н. э. Сравнение формуляров урартских писем с другими древневосточными памятниками этого рода показывает, что они существенно отличаются от ассирийских и стоят ближе всего к прототипам хетто-хурритского круга II тысячелетия до н. э.

Весь облик урартской культуры, особенно царской придворной, носит явные следы влияния Ассирии, но чем глубже мы изучаем культуру Ванского царства, тем рельефнее выступает местный субстрат, совершенно отличный от ассирийского.

В свете нового археологического материала становится ясно, что древнейшая культура Армянского нагорья, и в частности Ванского района, не была тесно связана с Месопотамией. Курдистанские горы (Армянский Тавр), ограничивающие нагорье с юга, — один из самых значительных хребтов Передней Азии — делили ее в III тысячелетии до н. э. на два обособленных по культуре мира.

К югу от этих гор в это время была распространена высокая земледельческая культура Месопотамии и равнинных областей Передней Азии. Наиболее характерным памятником искусства этой древней культуры была богатая расписная керамика довольно устойчивых типов.

К северу от Курдистанских гор в III тысячелетии до н. э. существовала иная энеолитическая культура, в которой расписная керамика отсутствовала. Последние археологические исследования в районе озер Вана и Урмии (Резайе) показывают, что эти области в III тысячелетии до н. э. входили в круг обширной культуры, охватывавшей центральное Закавказье и восточную Анатолию.¹⁵ Ее характерным элементом была не расписная керамика, а черная, до блеска лощеная, с вдавленным или выпуклым, а позднее и резным узором. Металлические изделия Закавказья этого времени (копья со стержнем, топоры) были связаны с металлическими предметами Малой Азии и Сирии, а не Месопотамии.

В эпоху бронзы, сменившей в Закавказье на рубеже III и II тысячелетия до н. э. энеолитическую культуру, связи закавказских племен с Малой и Передней Азией наблюдаются очень отчетливо, хотя бы на примере замечательных памятников искусства из курганов Триалети.¹⁶

Теперь стал известен и последующий этап развития закавказской культуры — с большим обособлением локальных закавказских элементов, но при очевидном влиянии сиро-хеттской культуры. Я имею в виду богатые материалы из раскопок курганов на побережье озера Севан, у сел. Лчашен. По обряду погребения (устройство погребальной камеры, роль деревянной колесницы) и по предметам материальной культуры Лчашенские курганы связываются с Триалетскими, и вместе с тем они имеют уже явные элементы культуры развитой бронзы (секиры, кинжалы, плоские топоры и др.).¹⁷ В Лчашенских курганах также продолжают наблюдаться опре-

¹⁵ С. А. Burney. 1) Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age. *Anatolian Studies*, VIII, 1958, стр. 157—209; 2) Circular Buildings found at Yanik tepe, in *North-West Iran Antiquity*, XXXV, № 139, 1961, стр. 237—240.

¹⁶ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I. Тбилиси, 1941, стр. 78—100.

¹⁷ А. О. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. *СА*, 1957, № 2, стр. 146—153.

деленные связи с древними цивилизациями Передней Азии периода крупных политических изменений — падения древних Митаннийского и Хеттского царств в XIV—XII вв. до н. э. Мне уже приходилось сопоставлять бронзовые вилы-трезубцы из Лчашена с подобными вилами, найденными в Рас-Шамре вместе с мечом, имеющим картуш с именем египетского фараона Мернепта (XIII в. до н. э.),¹⁸ а золотые подвески в виде трубочек, украшенных спиралями, и чечевицеобразные бусы из Лчашена — с подобными же бусами из раннеассирийских могил (XIV в. до н. э.) в Мари.¹⁹

В 1961 г. А. О. Мнацаканяном, раскапывающим курганы у сел. Лчашен, была сделана новая находка, подтверждающая эти связи. В одном из курганов была обнаружена замечательная цилиндрическая печать с изображением богини между двумя человеческими фигурами, вздыбленного козла и двух борющихся львов, стоящих на задних лапах. Выше этих фигур изображены три лежащих козла с характерными „свисающими“ ногами. Уже с первого взгляда очевидно сходство этой печати из Лчашена с замечательной гематитовой цилиндрической печатью, происходящей из Северной Осетии (коллекция К. И. Ольшевского в Гос. Эрмитаже).²⁰ На ней изображены две группы: крылатое антропоморфное божество, поддерживающее солнечный диск, с двумя человеческими фигурами по сторонам, и стилизованное священное дерево, около которого попарно размещены лежащие олени, сфинксы и козлы, припавшие на одну ногу.

Обе эти цилиндрические печати входят в определенную группу древневосточной глиптики (конца XV — первой половины XIV вв. до н. э.), известной под термином „Mitannian Elaborate Style“ (Э. Порада), имеющей древнеавилонские элементы. Эта группа печатей хорошо представлена раскопками хурритского слоя древнего Нузи (Иорган-тепе).²¹ К печати Лчашена близкую аналогию представляет одна митаннийская печать из Лувра, на которой изображены два борющихся льва, четыре человеческие фигуры и два лежащих козла в нижней части печати.²²

Эти поздние митаннийские печати продолжали, по-видимому, существовать и после разгрома Митаннийского царства хеттами и ассирийцами.

Митаннийские цилиндрические печати были найдены также при раскопках Ж. де Моргана в Иранском Тальше (Хассан-Замини и Ага-Эвляр). К. Шефер убедительно сопоставляет их с печатями из Рас-Шамры и Нузи.²³ Я думаю, что путь проникновения хурритских печатей в район Тальша был иной, чем пути, связывающие Закавказье с хурритами, — он шел по верховью р. Тигра и южному побережью оз. Урмия (Резайе), в то время как сношения Закавказья с Северной Сирией шли по верхнему течению р. Евфрата, севернее оз. Ван.

На связь культуры Закавказья, представленной материалами из Лчашенских курганов, с хурритским миром указывают и бронзовые модели

¹⁸ C. Schaeffer. Une épée de bronze d'Ugarit portant le cartouche de pharaon Merneptah. Ugaritica III (Mission de Ras-Shamra, VIII). Paris, 1956, стр. 169—178.

¹⁹ A. Parrot. Mari, une ville perdue. Paris, 1945, fig. 39.

²⁰ Отчет Археологической комиссии, 1882—1888, стр. 58; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа, VIII, М., 1900, стр. 324, табл. 127, № 47.

²¹ E. Porada. The Collection of the Pierpont Morgan Library, I—II. Corpus of Ancient Near Eastern Seals in the North American Collections. Washington, 1948, стр. 138—147; D. Wiseman. Götter und Menschen im Rollsiegel Westasiens. Prag, 1958, Taf. 50.

²² L. Delaporte. Catalogue des cylindres orientaux, II. Paris, 1923, pl. 97 (A 952); H. H. von der Osten. Altorientalische Siegelsteine Hans Silvius von Aulock. Uppsala, 1957, № 288, стр. 113.

²³ C. Schaeffer. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. London. 1948, стр. 408—411, fig. 30.

колесниц, украшавшие дышла погребальных повозок.²⁴ Они изображают колесницу, запряженную парой коней, в кузове которой помещены два воина в шлеме с гребнем и с кинжалом за поясом. Шлемы воинов аналогичны сиро-хеттским гребенчатым шлемам, которые имели также урарты в IX в. до н. э., как это показывают рельефы на бронзовых обивках ворот ассирийского царя Салманасара III (Балаватские ворота). Позднее урартами был заимствован ассирийский шлем в виде шишака с острым верхом. Форма лчашенских колесниц без сомнения связана с древневосточными колесницами. Она имеет легкий кузов без стенки, колеса в восемь спиц (на одном колесе показано семь спиц), помещенные ближе к задку кузова, петлю на задке. Модели колесниц передают дышла двух типов: одно сильно выгнутое, спускающееся к ярму дугой, как на архаических шумерских колесницах, другое горизонтально отходящее от кузова и выгнутое вверх у ярма, обычное для ассирийских колесниц, которые нам хорошо известны по изображениям IX—VII вв. до н. э. Ранние ассирийские колесницы — до времени Тиглатпалассара III — отличаются массивностью кузова, удлиненным щитом над дышлом колесницы, которое отходит от кузова под прямым углом и имеет выгиб у ярма, колесами в шесть спиц. Колесницы времени Саргона, Синахериба и Ашшурбанипала характеризуются легкостью кузова; щит над дышлом пропадает, колеса же имеют восемь спиц. Модели лчашенских колесниц существенно отличаются от ассирийских своей архаичностью; они, вероятно, так же как и многие элементы культуры Закавказья XV—XII вв. до н. э., были связаны с хурритскими колесницами, к сожалению, известными очень плохо.

В XII в. до н. э., после падения Хеттского царства, переднеазиатское влияние на культуру Закавказья ослабевает, наступает период бурного самостоятельного развития культуры закавказских племен периода развитого бронзового века, основой хозяйства которых было полукочевое скотоводство.

В VIII в. до н. э. развитие закавказской культуры нарушается включением южных областей Закавказья в состав Урартского государства. Походы урартов в страны, лежащие к северу от р. Аракс, имели место еще в IX в. до н. э., но присоединение их к Урарту произошло в первой четверти VIII в. до н. э. При своем продвижении и завоевании стран Закавказья урарты создавали свои административные центры. Первым из них была крепость Эрбуни, где находился дворец царя Аргишти I, украшенный богатыми росписями в ассирийском стиле.

Через семь лет после сооружения Эрбуни Аргишти I в плодородной Араратской долине, древнем центре земледелия и садоводства, создает урартский хозяйственный центр Аргиштихинили, из которого до нас дошло около 15 урартских клинообразных надписей, рассказывающих о строительных работах, проводке каналов, о посевах, виноградниках и фруктовых садах.

Аргиштихинили, так же как и Эрбуни, во второй период истории Урарту — в VII в. до н. э. — потерял свое прежнее значение и был заброшен, что я ставлю в связь с изменением административного управления урартскими окраинами. В Закавказье создаются новые урартские центры — при Русе I „город бога Халди“ на западном побережье озера Севан и при Русе II „город бога Тейшебы“ (Кармир-блур).

Раскопки Кармир-блур дали большой материал, документирующий связи урартского центра в Закавказье, с одной стороны, со скифами,

²⁴ А. О. Мнацаканян. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан. СА, 1960, № 2, стр. 139—152.

даже скифами степей Северного Причерноморья, с другой стороны — со странами Передней Азии и в первую очередь с Ассирией.

На Кармир-блуре найдено много ассирийских цилиндрических печатей и пронизок, сходных с найденными при раскопках города Ашшура. Ассирийскими могут быть также некоторые бронзовые чаши-фиалы и сардониковые бусы. В этой связи интересно указать на одну ассирийскую сардониковую бусину бочонковидной формы, тождественную кармир-блурским бусам, но с клинообразной надписью, упоминающей имя Саргона II (Лувр. АО 1936).²⁵

Именно в это время влияние ассирийской культуры на урартскую стало доминирующим, хотя связи урартской культуры со средиземноморской выявляются очень отчетливо.

В заключение следует остановиться на двух урартских предметах, найденных в могильниках кавказских племен.

В сел. Тли в Южной Осетии Б. В. Теховым был найден урартский бронзовый пластинчатый пояс²⁶ с изображением боевых колесниц, львов, быков и отдельных орнаментальных элементов. Урартское происхождение этого пояса устанавливается с полной очевидностью при сравнении его с обломками поясов, найденных в могильнике около Эребуни (Аринберда), на которых сохранились изображения сцен охоты с колесниц на львов и быков.²⁷

В древнем могильнике Верхняя Рутха в Северной Осетии уже давно был обнаружен бронзовый шлем, поступивший в Берлинский музей, но только недавно было обращено внимание на то, что этот шлем имеет на лобной части символический знак, совпадающий со знаками на Кармир-блурских шлемах, а при реставрации на нижнем крае шлема обнаружилась короткая надпись: ^mAr-gi-iš-ti-i ú-ri-iš-ḫi, также часто встречающаяся на бронзовых предметах из раскопок Кармир-блур.²⁸

Трудно дать определенный ответ на вопрос, каким путем попал этот урартский шлем к племенам Кавказа — в результате сношений населения Кавказа с урартскими административными центрами в Закавказье или же после их разгрома?

Археологические исследования Кармир-блур дали богатый материал, характеризующий культуру Тейшебаини, позволяющий заглянуть в повседневную жизнь крепости.

Осиное гнездо в углу кладовой для вина, скелет жабы около караса для вина свидетельствуют о темноте и сырости в подвалах крепости. Бронзовые наконечники стрел скифского типа, вынутые из кладки стены, указывают на то, кем были враги, разрушившие Тейшебаини. Метелка из пучка травы, с сохранившимися незаметными на первый взгляд цветками, устанавливает сезон гибели крепости — первая половина августа. Жилища, сгоревшие в пожаре, чудом уцелевшая обстановка, а иногда и костяки погибших людей и животных красноречиво рассказывают о внезапном ночном штурме. Спрятанные кучами ценности, зарытые в земляной пол или заваленные ветками, убеждают нас в том, что защитники крепости во время осады надеялись на благополучный исход, недаром

²⁵ L. Delaporte. Catalogue des cylindres orientaux, II. Paris, 1923, стр. 180, pl. 93 (A 826).

²⁶ Б. В. Техов. Урартский пояс. СА, 1961, № 4.

²⁷ А. А. Мартиросян, А. О. Мнацаканян. Нор-Арешский урартский колумбарий. Изв. АН Арм. ССР, серия обществ. наук, 1958, № 10, стр. 63—84 (на арм. яз.).

²⁸ W. Nagel. Urartäischer Helm aus dem Argisti-Magazin. Archiv für Orientalforschung, XIX, стр. 144—147.

они сделали и большие запасы продовольствия, но материалы раскопок показали, что осада была недолговременной и внезапный штурм решил судьбу крепости. В тупиковых кладовых восточной части цитадели были обнаружены сильно обгоревшие костяки защитников; однако при пожаре сохранилось и то, что в других условиях пропадает: в одном из черепов скелетов был обнаружен мозг человека, сильно обугленный, но сохранивший свою форму.

Эпизоды жизни и гибели крепости, открываемые при изучении археологического материала, получают новое освещение благодаря письменным источникам. Документы, публикуемые И. М. Дьяконовым, называют нам имена людей, живших более двух с половиной тысяч лет в Тейшебаини, сообщают о событиях повседневной жизни, — о переделе земли, о требовании возврата беглой рабыни, о получении или отправке шкур и шерсти. Тексты, оттиснутые палочками на глиняных табличках, скрепленные откатанными печатями, не сразу открывают свое повествование; с большим трудом ученые понимают их лаконичный рассказ, форму, не свойственную парадным надписям на камне, но нет сомнения в том, что затраченный на их изучение труд не пройдет даром и придет тот день, когда мы сможем дать бесспорный перевод кармир-блурских табличек; однако и то немногое, что сумели исследователи клинописи вычитать из этих документов, отчетливо говорит об их первостепенном значении для исторической науки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>Б.Б. Пиотровский. Урартские надписи из раскопок Кармир-блур. (Вместо предисловия).</i>	3

УРАРТСКИЕ ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

Введение	17
Общие замечания	17
Графические особенности	18
Формуляры документов и канцелярская практика	21
Исторические данные	25
Вопросы транслитерации и транскрипции	29
Тексты и переводы	32
Комментарии	42
Приложения	86
Приложение I. Глоссарии	86
Приложение II. Список слоговых значений урартских, митаннийских и среднеассирийских клинописных знаков	96
Приложение III. Таблицы знаков	101
Приложение IV. Фотографические воспроизведения текстов	121
Приложение V. Автографические копии текстов (прорисовка)	135
Список сокращений	143

Игорь Михайлович Дьяконов
УРАРТСКИЕ ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

*Утверждено к печати
Институтом Археологии
Академии наук СССР*

Редактор Издательства *С. М. Кочетова*

Художник *Д. С. Данилов*

Технический редактор *М. Н. Кондратьева*

Корректоры *Г. М. Гельфер, Ж. Д. Панкратова*
и *В. А. Пузиков*

Сдано в набор 26/1 1963 г. Подписано к печати 6/VI 1963 г.
РИСО АН СССР № 111–12 В. Формат бумаги 70×108^{1/16}.
Бум. л. 4^{9/16}. Печ. л. 9^{1/8}=12,5 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 12,95.
Изд. № 1854. Тип. вак. № 39. Тираж 1300.

Цена 78 к.

Ленинградское отделение Издательства АН СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12